

II

Из Бэртпура в Диг дорога, гладкая и ровная, пролегает пыльною лентой среди бесконечных степей и луж. Наша золоченая карета времен царя Гороха, за которой следовала длинная вереница *джаток*, увлекаемых рысистыми бычками-карликами, летела вперед с гиком и криком кучеров и скороходов. Эта процессия очень напоминала путешествие «Кота в сапогах» по владениям маркиза Карабаса. Как в сказке Перро, завидя издали наш торжественный поезд, окруженный почетною стражей (читай, полдюжиной разбойникообразных джатов на клячах с пиками, значками и щитами), мирные, встречаемые на пути поселяне простирались пред нами во прах, пугливо сторонились и оказывали всевозможные почести. Так ехали мы часа два по пустынным местам без малейшего признака растительности, окруженные со всех сторон болотами, канавами да солеными озерками. Наконец, мы подъехали к гигантским воротам Дига, справедливо прозванного «Бэртпурским оазисом».

Внезапная перемена декорации! Как бы по мановению волшебного жезла возник пред нами среди выжженных полей да покрытых вековой тиной болот заколдованный замок-крепость с башнями, теремами и висячими садами Семирамиды.

Мы въехали в полуразрушенный городок, если можно так назвать дюжины две каменных башенок, и стали подыматься к крепости. Городок приютился под сенью величественного памятника глубочайшей древности, столь глубокой, что ум современных летописцев, теряясь во мраке недостижимого доисторического прошлого, отказывается определить его начало.

Древние названия Дига: «Дираг» и «Диргпура» упоминаются часто в *Сканде-пуране* и в IV главе *Багват Махатмы*. Диг, то есть старый, доисторический Диг, лежащий прахом под нынешним, древнее Лакнау¹, бывшей «Лакшанавати» седой старины, столицы царя Лакшмана, брата Рамы, построенной *шестьдесят веков* назад, объяснил нам Нараян, наша ходячая энциклопедия.

Современный Диг «основан джатами, пришлецами-скифами из далекого севера», говорят англо-индийские историки. Диг, по народному поверью, выстроен пришедшими вместе с джатами колдунами, которые и соорудили бывшее мощное укрепление с его волшебным замком и прелестными садами – *в одну ночь*. Как все, выстроенное на такую скорую руку, Диг, невзирая на его непроходимые, наполненные водой рвы и недоступность его в продолжение девяти месяцев в году своим, как и чужим, впрочем, оказался *майей*, иллюзией, пред рыжеволосыми завоевателями. Во время разлива рек и сотен озерков бэртпурских степей целый океан образуется вокруг городка, и в такое время он, действительно, недоступен неприятелю. Но англичане хотя и посидели у моря, а все же дождались погоды: в декабре 1804 года генерал Фрезер² осадил и взял Диг штурмом, затем, разорив укрепления дотла, великодушно возвратил «оазис» джатскому радже. Теперь от крепостных стен не осталось и камня на камне. В одном углу к юго-востоку торчит *Шах-Бурдж*³ новейшего Дирага. Это огромная скала, просторная площадь коей окружена теперь вместо укреплений зеленою изгородью, но все еще сохранила по одному бастиону в каждом из своих четырех углов. Впрочем, внутри высоко воздымающегося воздушного сквера остались от укреплений три стены в 21 фут⁴ толщиной, говорящие и поныне о своем славном прошлом. В западном углу «крепости» дворец раджи с его роскошным садом, священными павлинами и фонтанами. Этот дворец с садом и составляют главную приманку для туристов.

Современные путешественники решили в один голос, что за исключением «Тадж-Махала» в Агре «Дигский» дворец – великолепнейшее здание в Индии: те же мраморные громадные залы со стенами, выложенными мозаикой из дорогих камней; тот же стиль архитектуры в башнях; та же изумительная тонкость работы в кружевной резьбе белых мраморных балюстрад, террас и перил лестниц.

Удивительный субъект англичанин как у себя дома, так и в своих «колониях»! При всей своей высокомерной чванливости и требованиях, чтобы, мол, считали его, Джон-Буля,

¹ Лакхнау (*англ.* Lucknow).

² *Англ.* Fraser.

³ *Англ.* Shah Burj.

⁴ 6,4 м.

наипервейшим представителем человеческой семьи, он даже еще не дошел до полного сознания всей верности аксиомы, заключающейся в его же народной пословице: «глупа должна быть птица, марающая свое гнездо». Гордятся Индией, что весьма справедливо, зовут ее «драгоценнейшим перлом в короне Великобритании», дрожат над нею, как скряга над сокровищем, а законных детей ее почвы, индусов, ненавидят, презирая и вместе страшась их хуже лютой мачихи! Бедные, злополучные брамины, горемычные шудры и вы, считаемые ниже всякой земной гадины, парии и прочие безкастники, – кто от души не пожалеет о вас? Ехидная злоба индо-британцев распространилась не только на настоящие поколения индусов всех каст и племен, но как бы в своем ненасытимом презрении к поработанным потомкам изливает это низкое, мелочное чувство, величаемое ими будто бы в законное его оправдание «чувством расы» (*race feeling*), даже на их далеких праотцов.

Смешно и гадко становится, читая в *якобы ученых* сочинениях разных чиновников об Индии их замечания и выводы по части археологии. Авторы точно ищут унижить туземцев даже периода *Махабхараты*, указывая на них как на расу, совершенно неспособную к изящным искусствам. Нет-де между настоящими (забитыми и голодными) браминами такой творческой силы, стало быть, не могло ее быть и прежде, гласит логика этих «сочинителей», забывающая так кстати, что мы видим то же самое и в современных греках и даже в выродившихся римлянах. Вследствие этого, между сотнями грандиозных храмов, находимых еще ежегодно и доселе в непроходимых джонглах центральной Индии, нет ни одной исторической руины, на которую англо-индийцы взирали бы как на произведение *чисто туземного* искусства. Там, где строил очевидно *не* могул (как, например, храмы, рассеянные по Раджпутане и Мевару), тотчас же отыскивается ловкая, хотя и ни на чем не основанная гипотеза о греках да италиянцах. В *Пуранах* упоминается о пленных «явани», которые употреблялись на работы победителями. «Они-то и есть создатели этих храмов». При этом забывается, что название «явани» давалось браминами не только грекам, ионийцам, но и другим иностранцам, между прочим, скифам. Все это не беда: то грек, видите ли, застрявший в Индии со времен македонян, который-де всенепременно строил храм Карли и даже древнейшие *вихары* Элефанты и Эллары. Нет для такого заключения ни малейших данных; ему противоречат *Пураны*, как и прочие летописи, и все традиции Индии, даже *самые законы Ману*. Непреложные и непреступаемые, они запрещают руке *млетча*⁵ (нечистого иностранца, *не* брамина), точно так же как и руке поганого *пария*, прикасаться к малейшему камню из заготовленных для священной постройки. Иначе «в случае такого осквернения, читаем в Ману, храм, хотя бы и почти оконченный, следует разрушить в той части, где к нему коснулась такая рука; материал предать очищению, а затем только продолжать постройку» (*Манава Дхарма* и *Васту-шастра*).

Но все эти доводы ровно ничего не значат пред лицепрятием и упрямством индофобов. *Пураны* все-де врут; законы Ману написаны и подверглись *подделкам* браминов уже по завоевании Индии могулами и т.д. Словом, индусы, «ни древние, ни современные, никогда не могли создать ничего подобного этим чудесам архитектуры». Им ли, этим ленивым тунеядцам, возводить эти прозрачные, воздушные, как призрак, и крепкие, как скала, стены! Им ли когда было придумать планы этих теремов и дворцов, эти сквозные балюстрады, выглядывающие на синем небе Индостана, словно венецианское стекло на голубом атласе платья красавицы?.. И подлинно, где же им?..

Допустим, пожалуй, что не только «восьмое чудо света», *Тадж-Махал*, но что и все дворцы, памятники и пагоды, как и мечети Лакнау, Дельи и северо-восточных провинций, – все это строили могулы да беглые греки; что до этих единственных в мире по своему стилю и красоте зданий, подобных которым не найти ни в Греции, ни в развалинах древнего Рима, не прикасалась рука брамина. Но кто же строил, чья же рука резала на гранитных стенах храмов Эллары⁶ и Джасельмера, пагоды джайнов *Урайдин Ка-джаура*⁷ и других менее замечательных – эти

⁵ млетчха (*санскр.* mleccha).

⁶ В тексте: Беллары.

⁷ «Приют двух с половиной дней» – название, данное храму вследствие предания, что его строители *иоги-магики*, выстроив его в 60 часов, прожили в нем только два с половиной дня и затем скрылись. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

каменные изваяния, совершенство рисунка которых и отделки приводят самих же англичан (тех, конечно, которые знают в них толк) в неописанный восторг и удивление? Такую работу мы видим только в произведениях Бенвенуто Челлини на серебре и золоте; но даже в Италии не найдется чего-либо подобного на граните или мраморе. Чьи же руки трудились над этими сверху донизу украшенными ваянием гранитными глыбами? Если не индусы, то «чародеи-иоги», должно полагать. При такой слепой ненависти англичане, припертые в угол фактами, скорее поверят, чего доброго, сказкам о «чародеях», нежели решатся отдать должную справедливость браминам.

Пусть вышесказанное относится только к тем памятникам, в украшения коих входят все боги и богини пантеона Индии, – сюжеты столь противные мусульманам, считающим наравне с иудеями изображение какой-либо человеческой фигуры за величайшую «мерзость» и грех. Но ведь англичане⁸ найдут не менее затруднительным отрицать участие индусов в сооружении храмов и памятников даже и в «сарацинском» вкусе. Рабочие руки, трудившиеся над ними, принадлежали все-таки *туземным* артистам, а не пришлецам-могулам; а если греки что-либо и строили в Индии, то все же они строили по планам индусов, а не могулов, и вот именно почему:

Могулы, как всем известно, всегда были (в Индии, по крайней мере) великими артистами в делах разрушения и кровопролития, а изящными искусствами, хотя некоторые из калифов и покровительствовали им и знали в них толк, они не занимались. Испанские мавры да сарацины, построившие Альгамбру им не пример, хотя бы уж потому, что могулы, завладевшие Индией, вовсе не мавры или сарацины вроде просвещенного рыцаря Саладина⁹ и даже в громадной пропорции вовсе и не арабы, а просто праотцы по большей части нынешних героев-разбойников Кабулистана и Хиндукуша¹⁰, то есть варварские, только что к тому времени обращенные в ислам племена Средней Азии, да афганы и древние туркмены. В могулах Индии преобладает до сего дня чисто туранский и монгольский тип, и чтоб убедиться в этом, приглашаем наших противников взглянуть на мусульманское население от Бомбея до северных провинций. Их мелкобородые (если не совсем безбородые) лица с выдающимся, как у калмыков, скулами указывают на полное в них отсутствие семитического элемента¹¹.

От Магомет-бин-Кассима¹², покорившего для калифа Омара II¹³ в 718 году по Р.Х. (в 99 году геджры) Синд, до конца царствования Аль-Мансура¹⁴ (775 год), то есть в течение более полувека, мусульман в Индии не было: они завоевали Синд и ушли. А последующие калифы были слишком заняты с западными христианами и каспийскими гуннами, чтобы думать об Индии. В те дни *настоящие* сарацины дрались и побеждали Родерика¹⁵, последнего гота Андалузии; дрались и были побеждаемы Карлом Мартелом¹⁶ в Туре во Франции; но в Индию в те времена они еще и носа не показывали. Как сказано выше, то были афганцы¹⁷, вообще народы Средней Азии

Адхай-дин-ка-Джхонпра (*англ.* Adhai-din-ka-Jhonpra, Arhai-din-ka-Jhonpra) – мусульманская мечеть, возведенная на месте разрушенного древнего индуистского храма.

⁸ Как, например, архитектор-археолог Фергэссон и его почитатель Симпсон, художник и ныне корреспондент *Illustrated News* в Средней Азии. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

⁹ Саладин (1138–1193) – султан Египта, Сирии и др., полководец, мусульманский лидер XII века.

¹⁰ Гиндукуша (*англ.* Hindu Kush).

¹¹ В продолжение пяти лет мы постоянно расспрашивали знакомых магометан об их происхождении. Где бы ни встречался арийский или бледнолицый тип с правильными чертами, мы открывали в их праотцах *насилно обращенных могулами в ислам индусов.* – *Примечание Е.П.Блаватской.*

¹² Имадуддин Мухаммад ибн аль-Касим ас-Сакафи (695–715) – арабский полководец, распространивший власть Арабского халифата до реки Инд и принесший ислам в Синд и Пенджаб.

¹³ Умар II (682–720) – омейядский халиф (717–720).

¹⁴ Аль-Мансур (714–775) – один из правителей Арабского халифата (754–775).

¹⁵ Родерих (?–711) – король вестготов, правивший в 709–711 гг.

¹⁶ Карл Мартелл (686(688)–741) – майордом (старший сановник дворца времен Меровингов) франков (717–741).

¹⁷ Если верить историку Феришта, то, пожалуй, афганцы и окажутся, если не древними аравитянами, то нынешними «арабами» Египта, то есть *коптами*. Он говорит, что, когда афганцы попались впервые мусульманам, они жили вокруг Кох-и-Солимана. То было в 62 году геджры. Феришта пишет: «Афганцы были копты под властью фараонов и многие из них приняли закон Моисеев; из них большая часть раскаялись и, вернувшись к богам, ушли из Египта и странствовали, пока не захали в Индостан (?), поселясь окончательно на окраинах Кох-и-Солимана. Кассим (Магомет-бин-Кассим, главнокомандующий Омара, покоритель Синда) посетил их и обратил в правоверных. В 143 году геджры афганцы уже завладели провинциями Кермана, Пешавера и многими другими соседними странами».

(потомки коих разбойничают и поныне там), из коих составлялись армии калифов и которые затем и завладели Индией. А завладели они ею *окончательно* только в 975 году по Р.Х., то есть более 150 лет после того, как Гарун-аль-Рашид¹⁸, современник Карла Великого¹⁹, подарил второму своему сыну, Аль-Мамуну²⁰, Хорасан, Синд и Индостан. Тогда последний населился действительно *мусульманами*, только отнюдь не просвещенными сарацинами. Кроме царей, прямых потомков Магомета чрез багдадских калифов, все остальное могульское население, народ и армия, было отребьем ислама из Средней Азии.

Так неужели же, зная все это, мы можем верить ориенталистам, которые стараются убедить нас, будто не индусы, а могулы да беглые греки трудились над этими чудесами искусства, что не потомки славных ришей и целых поколений математиков, геометров и поэтов строили эти ни с чем несравнимые по оригинальности здания, а разбойничье племя Средней Азии, не имеющее и до сей поры ни малейшего понятия об искусствах? Там, где установился веками и преобладает чисто арабский элемент, ведь не строят же себе, как никогда и не строили, мусульмане таких гробниц, дворцов и мавзолеев, какие мы теперь находим в одной Индии? Нет ничего подходящего к Тадж-Махалу, гробницам Акбара, калифа Хайнумана, мечетям и дворцам Дельи, Лакнау и Дига ни в Персии, ни в современном Египте, ни в Сирии или в Багдаде, ни даже в полуобъевропеевшейся Турции. Пусть же теперь кто-нибудь взглянет на памятники и дворцы южной Индии; на резьбу и скульптурные украшения храмов *Мадур*²¹, *Срирангама*²² и других в Мадрасском президентстве; на пирамидальную глыбу Танджорской²³ великой пагоды, древнейшей в стране. Покрытая на 200 футов²⁴ в высоту статуями – в двойной рост человека – богов, богинь и *аватаров* с ее гигантским быком из черного гранита пред фасадом и скульптурными украшениями колонн и потолков, эта пагода считается «одним из лучших произведений искусства браманской Индии» (епископ Гебер). Не мусульмане ли и ее строили? Так пусть отрицатели всякого таланта в индусах проедут, как мы проехали, вдоль и поперек Раджпутаны, Мейвара, Синда и Мальвы. Пусть взглянут они на это громадное пространство, засеянное буквально, как поле горохом, развалинами индусских храмов, крепостей и дворцов, – а затем и решат, кто их строил. Здесь, в Раджпутане и Мейваре, могулы долго не засиживались по той простой причине, что их здесь жестоко колотили не в пример другим народам Индии. Здесь-то уж они ничего не строили, хотя и многое что поразорили. А здесь именно турист и найдет на полуразрушенных стенах храмов такие изваяния и лепную работу, такое разнообразие художественных произведений, пред которыми, пожалуй, побледнеет и Гомеровское²⁵ описание Ахиллесова щита²⁶...

Кто когда из европейцев слышал о храме Баролли²⁷ возле Читтора²⁸, столь знаменитого в летописях Раджистана? Его открыли среди дремучего леса и описали полковник Тод и капитан Вауг²⁹. Позволяю себе несколько выписок из описаний этих офицеров. Они лучше всего покажут разницу между мнениями образованных беспристрастных англичан времен Ост-Индской

Не вследствие ли этого обращения в закон Моисеев подозревают в афганцах одно из десяти потерянных колен Израиля? Но об афганцах мы скажем кое-что далее. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Кох-е Сулейман (*урду* Koh-e Sulaymān).

¹⁸ Гарун аль-Рашид (763(766)–809) – арабский халиф, правитель Аббасидского халифата (786–809).

¹⁹ Карл I Великий (742(747, 748)–814) – король франков с 768 г., король лангобардов с 774 г., герцог Баварии с 788 г., император Запада с 800 г.

²⁰ Аль-Мамун (786–833) – багдадский халиф из династии Аббасидов, астроном.

²¹ Мадурая (*англ.* Madurai).

²² Шрирангама (*англ.* Shrirangam).

²³ Танджавурской (*англ.* Thanjavur).

²⁴ 61 м.

²⁵ Гомер (VIII в. до н.э.) – легендарный древнегреческий поэт-сказитель, создатель эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

²⁶ Щит Ахилла – щит, выкованный за одну ночь Гефестом для Ахилла, сына Фетиды. Подробное описание щита можно найти в поэме Гомера «Илиада». На щите Гефест изобразил землю, небо, звезды, а также многочисленные эпизоды городской и сельской жизни.

²⁷ Бароли (*англ.* Baroli). В книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана» (т. II, Madras, 1873): Barolli.

²⁸ *Англ.* Chittor.

Читторгарх (*англ.* Chitaurgarh).

²⁹ Во (*англ.* Waugh).

Компании и мнением современных «аршинников»³⁰ в Индии. Присылаемые из Лондона *разорять* и *усмирять*, они судят о всем туземном лишь по усмотрению собственных мелких, завистливых умишек, причиняя тем ущерб как науке, так и истине.

«...Среди векового леса, – пишет Год, – мы вдруг увидели храм Баролли. Подходя к священной руине, мы оставили наших лошадей и поднялись по широкой каменной лестнице на паперть храма. Описать изумительную и разнообразную архитектуру этого древнего памятника я положительно отказываюсь: это дело карандаша, работа коим оказалась бы просто бесконечною. *Здесь человеческое искусство, дойдя до своих крайних пределов, как бы истоцилось*; и только здесь и впервые мы получили вполне сознательное понятие о красоте и оригинальности индийского зодчества и скульптуры. Колонны, стены, потолки, наружные лепные и резные украшения куполов, – где каждый отдельный камень изображает собою миниатюрный храм, словно изваянный под пальцами волшебницы, – все это громоздится одно над другим до самой увенчанной урнообразным символом Шивы верхушки главного купола и производит в зрителе положительно головокружение. Одна только резьба на капители каждой колонны потребовала бы целых страниц описания и объяснений. Все здание, невзирая на свою глубокую древность, находится еще в изумительном состоянии целости, и мы приписываем это сохранение двум главным причинам: 1) каждый камень этого здания изваян из мелкозернистого кварца – быть может, самого крепкого, как и самого прочного в мире камня, но зато и самого трудного для долота; и затем 2) ввиду всем известной мусульманской нетерпимости и страсти к иконоборству от низу до верху, то есть от его ступеней до верхушки купола, вся наружная часть храма оставалась в продолжение нескольких веков покрытою тонким мраморным цементом³¹... Скульптурные окраины украшений так же свежи и прекрасны, как бы вчера только вышли из-под резца художника. Одна из половинок полуразрушенной двери верх совершенства, красоты и вкуса. Главные фигуры на ней – бог Шива и его богиня Парбути³² со свитою. Он изображен стоя на лотосе со змеей, обвивающею его гирляндой. Как “бог войны и разрушения” он держит в правой руке *дёмру* (барабан), звуками коего воодушевляет своих воинов; в левой – *купру* (чашу) из человеческого черепа, из которой он пьет кровь убитых воинов. “Дочь горы” стоит налево от супруга на *курме*³³ (черепахе). Она изображена с длинными, мелкозаплетенными косами, в ушах раковины вместо серег. Каждая часть тела в этой грациозной группе дышит тою прелестною естественностью, которая настолько замечательна своим присутствием в древней индийской скульптуре, насколько она поражает своим отсутствием в нынешней. Мужественная, полная достоинства поза гордой фигуры *баба Адама* (*отец Адама*), как один раджпут назвал при мне *Махадео*, может сравниться только с нежным женственным обликом и полною грации фигурой богини. Змеи и цвет лотоса переплетаются над их головами. Ниже представлен химерический зверь *грас*³⁴, наподобие рогатого льва, возле – пустынный, играющий на гитаре, и два оленя, благоговейно прислушивающиеся ко священной мелодии. Каждая группа отделяется от другой гирляндами цветов и листьев. Капитан Вауг срисовывает одну из этих групп, соглашаясь со мною, что пред нами открылись *бесподобные, ни с чем не сравнимые образчики*³⁵ *высшего искусства*. Между ними находятся такие части, – особенно головы некоторых фигур, – которым позавидовал бы сам Канова³⁶. Группы сделаны *горельефом*³⁷, почти отделяются от плиты...

...В алтаре *Тримурти*... одно лицо “Разрушителя” осталось целым³⁸. *Тиара*, венчающая трехликую главу, образчик превосходной работы. Гений ваятеля *не может идти далее*... Фигуры

³⁰ Аршинник (*устар.*) – торговец, купец.

³¹ Этот цемент был снят после того, как Сиваджи Махратский положил конец династии и дому Тимура два века назад. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

³² В книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана» (т. II): Parbutty.

³³ В книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана» (т. II): dumgo, supra, согm. Современное написание: дамару, дамру (*санскр.* damaru); капала (*санскр.* karāla); курма.

³⁴ В книге Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана» (т. II): Gras.

³⁵ образчики (*устар.*).

³⁶ Антонио Канова (1757–1822) – итальянский скульптор.

³⁷ горельефом (*англ.* high relief).

³⁸ *Тримурти* изображается с тремя лицами (*мурти* – лицо), но всегда на одной голове. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

колоссальные, семи футов³⁹ каждая... Описывать купол над *мундуфом*⁴⁰ (притвор, древний *pronaos*⁴¹) почти невозможно: тому, кто желает получить о нем верное понятие и разглядеть мельчайшие подробности этого волшебного произведения резца, *следует рассматривать эту работу в микроскоп*. Мы нашли в этой массе украшений гармонию в целом, не найденную нами нигде еще в других зданиях подобного рода. Даже миниатюрные слоники изваяны анатомически верно и превосходно закончены в деталях...»

Следуют за этим двенадцать страниц описания *dii minorum gentium*⁴² и других чудес Баролли. «Потребовалось бы дюжина художников и шесть месяцев непрерывной работы для самого поверхностного описания всех диковин этого чудного храма», – заключает Тод⁴³.

Не осталось никакого указания потомству, когда и кем был выстроен этот мало кому известный, даже в Индии, храм. Какой-то раджа Хун (Hoon) – легендарный герой этой местности. Но даже Тоду, написавшему два толстые тома в доказательство тому, что раджпуты – скифы, Махадео-Шива – Адам, а Ману – Ной, даже ему не удалось приобщить гуннов к мифологии индусов. Одно только совершил политический агент Компании в Раджпутане: он нашел в храме Баролли и перевел надпись на барельефе Махадео с находящимся в ней числом: 13 *картика* (месяц, посвященный Марсу Индии) эры Сэливана⁴⁴ – 981 год или 925 год от Р.Х. В этой надписи упоминается о приношении Махадео (патрону игогов) «его рабом» (имя стерто рукой времени) необходимой суммы для починки *его древнего храма*.

Если в 925 году, почти за тысячу лет назад и за полстолетия до вторжения мусульман в Индию, храм Баролли уже считался «древним», то очевидно, что его строили не могулы, а тем менее греки. Во всей громадной массе его не найдется ни архитектуры, ни в его изваяниях какой-либо черты, напоминающей об эллинах. Нет и намек на дорийский, еще менее на ионийский стиль. Все в нем своеобразно, все в чисто индусском вкусе.

Извиняясь за долгое отступление и не обещая не впасть снова в обычную мне ошибку, желаю объяснить причину оного. Во-первых, так как я сама посетила этот храм позднее, мне все равно пришлось бы описывать его, и мой рассказ после стольких описаний мною других храмов мог бы, пожалуй, показаться монотонным; а во-вторых, я хотела в том случае опереться на свидетельство в том, что я не пристрастна к Индии, а только отдаю ей справедливость всем известного за аккуратного писателя англо-индийского археолога и сановника. Тод прожил целые годы в Индии, а восторг, пробивающийся в каждой строчке его описания чудес искусства древней Индии, гораздо значительнее моего.

Затем самый вопрос, «кто строил все это в Индии, могулы или индусы», послужил в первые часы нашего приезда в Диг поводом к весьма неприятному знакомству, которое и окончилось столь же неприятною ссорой.

Едва мы поднялись на террасу и вошли в залу, как нашли там, к великому неудовольствию всей нашей компании, двух незнакомых англичан. Проездом из Джейпура куда-то они остановились позавтракать в Диге на счет махараджи и угоститься даровыми ликерами и шампанским. С последним они, видно, уже познакомились, так как оно вывело их из обычной сынам Альбиона высокомерной сдержанности. Забыв «этикет», они поклонились нам при нашем появлении и даже заговорили первые с О***, косясь все время, впрочем, на наших туземных товарищей и подмигивая полковнику. Быть может, то было просто добродушною с их стороны шуткой, но мне их гримасы показались очень дерзкими и особенно оскорбительными для индусов. Я тотчас же ушла с Нараяном осматривать «терема», а О*** остался с англичанами в дурбарной зале, где те расположились ранее нас за приготовленным для нас одних столом. Другого стола, ни большего, ни малого, не было во всем дворце, обширные и запыленные залы которого

³⁹ 2,1 м.

⁴⁰ Англ. munduf.

⁴¹ Пронаос (греч. pronaos) – преддверие храма.

⁴² второстепенных богов (лат.).

⁴³ *Personal narrative (Rajasthan)* <<Рассказ о себе самом> («Раджастхан»). Vol. II, стр. 645–654. Тод жил в Раджпутане 22 года безвыездно политическим агентом. – *Примечание Е.П.Блаватской*.

Глава «*Personal narrative*» входит во второй том книги Дж. Тода «Летописи и древности Раджастхана».

⁴⁴ Шаливахана (англ. Shalivahana).

выглядывали какою-то мраморною пустыней. Нам пришлось поневоле ждать. Впрочем, англичане уехали часа через два; но и за этот короткий срок они успели оскорбить наших друзей и затеять личную со мною стычку.

Когда, устав ходить по бесчисленным корридорам и лестницам, я вернулась через час, они все еще были за столом и спорили с О***, который отстаивал древние искусства Индии и заступался за туземцев вообще. Наши индусы сидели в другой комнате на циновках, мрачно прислушиваясь к разговору. Нараян, замечательно угрюмый и скучный с самого утра, прошел к товарищам, не заходя в залу, а я села у самого конца стола за кофе, решив не принимать никакого участия в разговоре. Не обладая добродушным хладнокровием нашего почтенного президента, я чувствовала, что вспыхну, если бы мне пришлось спорить с ними, и поэтому упорно молчала. Осторожность моя не увенчалась успехом: полковник испортил весь план.

Забыв имя одного известного в древней Индии геометра, он возвысил голос, призывая на помощь Нараяна и бабу, и кончил тем, что вызвал обоих из соседней комнаты. Пока он им объяснял имя, кого он желал вспомнить, один из индо-британцев, бесцеремонно оглядывавший меня, обратился ко мне.

– Ваши *слуги*... конечно? – спросил он, презрительно кивнув головой на Нараяна и бабу.

Я вспыхнула от негодования и досады при этой очевидно *умышленной* дерзости.

– Слуги!.. Вы ошиблись: оба *джентльмена* наши дорогие друзья и братья, – добавила я, сильно напирая на слово «джентльмены».

Наглость и нахальство развиваются в индо-британцах быстро. Мой ответ вызвал у обоих громкий хохот.

– «Друзья»... это, положим, еще возможно... так как о вкусах не спорят, – язвительно протянул англичанин, медленно допивая стакан шампанского со льдом. – Но как же... «братья»? Ведь вы, вероятно, уроженка Европы?..

– Полагаю, что так. Но, к счастью моему, *я не англичанка*. Поэтому я и горжусь привилегией называть этих двух туземных джентльменов не только друзьями, но даже и *братьями*, – отвечала я очень сухо и глядя прямо в глаза долговязому грубияну.

В свою очередь он весь вспыхнул.

Не знаю, что он собирался возразить на мой ответ, но товарищ не дал ему времени собраться с мыслями. Схватив его под руку, он почти насильно увлек его на другой конец комнаты, где тотчас же начал ему внушать что-то вполголоса. Я догадалась, что он объясняет ему о нашем Обществе и рассказывает, кто я такая. Оно так и вышло.

При первых словах нашего крупного разговора темные лица туземцев позеленели, а глаза заискрились недобрым, столь знакомым мне фосфорическим блеском. Они стояли словно две неподвижные статуи... Один полковник засуетился, поспешно вставая из-за стола.

Англичане взяли за шляпы и сумки и, кивнув головой О***, приготовились было уходить. Старший из них, видимо, желал избежать неприятной ссоры и, пробормотав что-то о том, что с женщинами не спорят, направился к выходу. Но мой противник, разгоряченный как шампанским, так и данным ему мною отпором, не унялся. Остановясь посреди залы и покачиваясь слегка от овладевавшего им опьянения, он сделал в мою сторону полуоборот и, надменно повернув ко мне голову, проговорил сердито через плечо:

– Я только что узнал, что вы та *самая русская леди*, о которой наши газеты столько говорили, *предостерегая правительство*... Теперь мне становятся понятнее ваши *братские* отношения и чувства к *черной сволочи*⁴⁵ (*sic*). Но позвольте вас предупредить, что, невзирая на только что выраженную вами благодарность Провидению за то, что вы родились *не англичанкой*, могу вас уверить, что безопаснее принадлежать к *нашей*, нежели к *вашей* нации, по крайней мере, *здесь, в Индии*, – добавил он многозначительно.

– Очень вероятно. Но я все-таки радуюсь и горжусь, что я *не англичанка*... – сказала я, вставая и сдерживаясь сколько могла.

– Напрасно. *Наше правительство не любит допускать русских*, даже дам, *слишком братья с покоренными нами азиятами*...

⁴⁵ *Black rab[b]le*. – Примечание Е.П.Блаватской.

– Да что это, шутка или угроза?.. – прервал его полковник, изменяясь в свою очередь в лице.

– Конечно, угроза, – заметила я, смеясь. – Разве вы забыли, что мы уже получили фактическое доказательство и что англо-индийское правительство, не то по глупости, не то из трусости, посылает военных шпионов, *офицеров*, следить за нами как тень от самого уже Бомбея?..

– Берегитесь... и будьте осторожнее в выборе ваших слов!.. – процедил сквозь зубы еще надменнее уже совсем взбешенный англичанин. – Не рассчитывайте на долготерпение нашего правительства, действие которого и политику вы себе позволяете порицать... а скорее узнайте, если вы еще не узнали об этом, *что в наших британских владениях русским не место*... Не забываете этого в другой раз.

– Но это *вы* забываетесь, сэр!.. – свирепо воскликнул потерявший всякое терпение полковник. – Вы оскорбляете женщину и грозите ей!.. К тому же, она гражданка свободной Америки и *вовсе не русская*... то есть... не *такая* русская, за какую вы ее принимаете!.. – поправился он, встретив мой негодующий взгляд.

– Извините меня, полковник, и предоставьте мне самой, прошу вас, право защищать себя... Прежде всего *я русская*; русскою родилась и русскою умру, я русская в *душе*, если не на паспорте... Стыдитесь! Неужели вы желаете, чтоб эти господа уехали, увозя с собою впечатление, что пред их нелепою выходкой и дерзостями я готова была отречься от родины и даже от своей национальности!..

– Оно было бы, пожалуй, и осмотрительнее, – ядовито заметил другой англичанин.

– Осмотрительнее, может быть, но никак не честнее. Во всяком случае, – добавила я, обращаясь снова к первому, – весьма сожалею, если ваше замечание о том, что в «британских владениях русским не место» *факт*, а не пустая с вашей стороны дерзость. В *наших*, в русских владениях, как, например, в Грузии и на Кавказе, находится место всякому иностранцу, даже *десяткам нищих англичан*, которые приезжают к нам без сапог, а уезжают с миллионами в карманах...

Должно быть, ссора не отрезвляет, а помогает шампанскому... Мой противник сидел совсем пьяный и за него ответил уже его приятель.

– У всякой страны свои политические воззрения на вещи. Ваше замечание ничего не доказывает против политики англо-индийского правительства...

– Вам, может быть; но зато *нам*, иностранцам, а вместе с тем и вашим туземным подданным, вероятно, оно ясно доказывает одно: что в то время как вы, гг. англичане, трусите русских даже у себя дома в колониях, русские вас ничуть не боятся. Безделица, о которой не сто́ит и говорить...

И видя, как при этих словах исказилось лицо у заступника британских привилегий, я позвала индусов и, повернувшись к прочим спиной, ушла в сад. У Нараяна глаза налились кровью; а бабу, у которого с лица пот катил градом от сдержанного бешенства, бросился, как был одетый, под высоко бьющий водомет и стал прыгать, фыркая под водяною пылью, «чтобы хоть немного освежиться и очистить себя от оскверненной *бара-саабми* атмосферы!», орал он на весь сад.

Мне было невыразимо горько; не за себя, конечно, а за этих ничем неповинных, оскорбляемых индусов, осужденных какою-то фатальною силой на вечное, ничем не заслуженное поругание. Что меня принимали за шпиона, сделалось теперь очевидностью, которая при других обстоятельствах только бы меня смешила. Я и теперь чувствовала одно презрение к «победителю», до того трусливому, что он, очевидно, страшился влияния одинокой женщины на умы миллионов «побежденных». В другое время оно бы, пожалуй, даже очень польстило моему самолюбию и вообще было бы весьма смешно, «когда бы не было так грустно», да вместе с тем и опасно. Меня страшило то, что вместо услуг индусам, членам нашего Общества, я могу сделаться из-за одного того, что я *русская*, предлогом к их преследованию и разным придиркам со стороны их «начальства». Россия и все русское – непрерывный кошмар Англо-Индии. Чем ближе к Гималаям, тем сильнее русский «домовой» душит по ночам всякого британского чиновника. А у страха, говорят, глаза велики, и он из белого, пожалуй, сделает черное...

Еще при первом появлении нашего Общества в Индии до меня уже стали доходить слухи о неудовольствии разных сановников, у которых в канцеляриях служили многие из бомбейских членов-туземцев Теософического Общества. «Великие мира сего», *бара-саабы*, сухо советовали

своим робким подчиненным «не очень-то дружить с новоприбывшими авантюристами из Америки».

Словом, положение было очень неприятное.

Я села на скамью у водомета, около которого бабу отряхался теперь на солнце наподобие мокрой собачонки. Нараян молчал как убитый. Взглянув на него, я вся обомлела: темные круги под его огромными глазами потемнели еще сильнее, зубы оскಾಲились, как у дикого зверя, и он вздрагивал словно в лихорадке...

– Что с вами, Нараян? – испуганно спросила я.

С минуту он ничего не отвечал; только белые, крепкие зубы заскрежетали еще сильнее... Вдруг он присел на песок дорожки и как-то разом повалился лицом в клумбы ярко-алых *арали*⁴⁶, цвет, посвященный богине Кали...

Цветок ли, любимый кровожадной богиней мщения, воодушевил нашего кроткого, терпеливого Нараяна, или что другое внушило ему страшную мысль, но он приподнял голову и, вперив в меня налитые кровью глаза, спросил изменившимся голосом:

– Хорошо... хотите, я убью его? – прошипел голос.

Я вскочила словно ужаленная.

– Что вы, опомнитесь! Да разве стоит этот пьяный фанфарон, чтоб из-за его дерзостей честные люди рисковали шеей? Вы шутите или бредите, мой милый!..

– Не он, не он... В его лице я вижу только его ненавистную нам нацию. Убив его, я отомстил бы за годы страдания, унижения... кровных обид... отомстил бы за многих моих друзей, а вместе с тем и за нанесенное *вам* оскорбление!.. – хрипел он с отчаянием.

– Перестаньте! Неужели вы способны думать, что я чувствую себя сериозно оскорбленную?.. Да я просто смеюсь над его выходкой!..

Но он не слышал меня. Опустив голову на раздавленные растения и словно обращаясь к невидимому собеседнику под землей, он продолжал говорить тем же хриплым, изменившимся голосом. Он словно изливал внезапно прорвавшуюся волну страдания, полную накипевшей в нем за это время бессильной злобы в недра матери сырой земли... Я никогда не видала его в таком возбужденном состоянии. Он казался мне невыразимо жалким, но вместе с этим положительно страшным.

«Что́ это такое с ним приключилось? – подумалось мне. – Неужели все это из-за этой глупейшей истории?»

– Вас оскорбляют... из-за *нас*... из-за нас одних, – продолжал он полупшепотом. – Да то ли еще будет!.. Вас станут скоро преследовать, гнать... Бросьте нас, отвернитесь... скажите, что вы шутили, смеялись над нами, и вас простят, станут звать к себе, предлагать свою дружбу и общество... Но вы этого не сделаете, иначе *маха-сааб* не относился бы к вам, как он теперь относится... Поэтому много горя ждет вас в вашем будущем... горя и клеветы⁴⁷. Нет, опасно быть друзьями бедных индусов! Нет счастья для сынов *Кали-шюга*, и безумец тот, кто подаст нам руку, потому что рано ли, поздно ли, а все же горько ему придется поплатиться за свое преступление!..

С удивлением, почти с ужасом прислушивалась я к этой неожиданной бессвязной речи, но не находила, что́ ему сказать в утешение и молчала. Невольно я стала искать глазами бабу. Он лежал на скамейке шагах в тридцати от нас и, обсушиваясь на солнце, должно быть, дремал.

– Не сердитесь на меня, *упазика*⁴⁸, и простите, что я потревожил вас, – раздался снова голос Нараяна, уже более ровный и спокойный.

– Сердиться на вас, мой бедный Нараян? За что́ же мне сердиться; ведь вы пошутили? – прервала я его, не зная сама, что́ сказать.

Он привстал и снова сел на дорожке в обычной ему позе. Обхватив оба колена мощными руками и упершись в них подбородком, он сидел теперь, покачиваясь взад и вперед и вперив глаза

⁴⁶ Англ. arali.

⁴⁷ Это будто пророческие слова относительно автора этих писем и Теософического Общества. – *Примечание в издании книги «Из пещер и дебрей Индостана» 1912 года.*

⁴⁸ *Упазика* – буквально «ученица философии» под руководством *гуру* – «учителя», обыкновенно из монашеской братии. *Челла* – ученик, студент тайных наук и мистик. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

Упасика (санскр. Uṛāsikā).

в погибшие *арали*. Он, видимо, боролся, чтобы совладать с собой, и, наконец, успел: голос его уже не дрожал и не хрипел; но когда он снова заговорил, в голосе этом слышалось столько непритворного страдания, что я невольно вздрогнула.

– Нет, я не шутил, – произнес он медленно и твердо. – Одно слово, и я бы убил его... Не все ли равно? Ведь моя жизнь, так или иначе, а пропала...

– Но почему же? Чтò такое случилось? Не может быть, чтобы вы так волновались из-за одного этого дурака? Скажите, ведь не из-за него?

– Нет, не из-за него *одного*, – прошептал он чуть слышно, – а все же мне было бы легче, если б я мог убить пред смертью *хоть одного из этой нестерпимой для нас расы!!*

– Убить!.. Как вы это легко говорите!.. Ведь это же ужасное преступление!.. А чтò сказал бы Такур?..

– Ничего не сказал бы. Чтò ему за дело до меня! – еще тише произнес он.

– Но ведь вы... его *челла*?..

Он весь вздрогнул, и его всего перекосило, точно его кто полоснул ножом по сердцу. Он припал еще ниже к коленам, и вдруг из его груди вырвался такой вопль отчаяния, что я совершенно растерялась... Я чувствовала, что бледнею и не в состоянии выносить этой сцены долее.

– Нет, я не *челла* его. Он мне отказал... Он прогоняет меня!.. – зарыдал бедный колосс, словно пятилетнее дитя.

«Вот оно чтò! – вдруг догадалась я. – Это, значит, англичанин является здесь только переполнившюю чашу каплей!» И вдруг мне вспомнилось видение... сон... то, чтò я видала или что представилось мне, будто я видела накануне ночью в Бэртпуре. Нараян обнимал ноги Такура. Но ведь то был сон? Или взаправду все это происходило в действительности и я видела эту сцену наяву?

– Когда же он вам отказал?

Вдруг послышались поспешные шаги. Нараян вскочил и, быстро наклонясь, сказал мне шепотом:

– Прошу вас, сохраните мою тайну нерушимо!.. Ни слова об этом *никому*... Вам я еще пригожусь... Но не говорите мистеру О***... Я ухажу!

Но он не успел.

– Чтò это вы зарылись здесь, словно вызываете подводных *бхутов*? – внезапно раздался возле нас голос полковника. – А где же Нараян и где же бабу?.. – продолжал он, подходя к нам с «молчаливым генералом». – А!.. Вот они где!.. Не прячьтесь: оба фанфарона уехали и оказались очень порядочными людьми... Мы расстались друзьями; я обещал им и ваше прощение... Я им объяснил многое, чего они не знали, например, правила и цель нашего Общества... Они заинтересованы и даже признались, что ошибались.

– Нашли где и с кем миссионерствовать, – заметила я с досадой, перерывая этот поток слов. – Может, вы пожелаете присоединить к нашему Обществу и этих двух «патриотов и мыслителей»?.. Не краснейте и не смущайтесь, мой дорогой президент, а согласитесь лучше со мною, что они были бы великолепным *pendant*⁴⁹ к мистеру Г*** и мисс Б***.

Мистер Г*** был и до сих пор состоит довольно крупным чиновником в северных провинциях Индостана. Притворяясь восторженным последователем великой философии индусов, он добился членства в Обществе в то время, когда мы еще не выезжали из Нью-Йорка. Приехав в Индию, мы узнали, что не было во всей стране более жестокого индофоба, чем мистер Г***; что он ненавидел туземцев, обесчестив два семейства браминов (*безнаказанно*, как и всегда бывает в таких случаях); а главное, что ряд насмешливых, диффамационных⁵⁰ против теософии и нас самих писем, которые печатались в 1879 и 1880 годах в *Civil and Military Gazette* Лахора, были делом рук «патриота и мыслителя», как о нем отзывался полковник в Нью-Йорке в восторге от своего «прекраснейшего, благородного англо-индийского сочлена».

⁴⁹ дополнением (*фр.*).

⁵⁰ Диффамация (*лат. diffamare* разглашать, лишать доброго имени, порочить) – публичное распространение сведений (действительных или мнимых), позорящих кого-либо.

– Ну, вот уж вы... опять принимаетесь вспоминать старое!.. – в смущении бормотал полковник. – Что ж! Кто же никогда не ошибается?.. Ведь я же и не выдаю себя за непогрешимого папу... Не все же, однако, англо-индийцы подлецы и предатели.

– Наверное не все, но и не найдется, бьюсь об заклад, более двух дюжин англо-индийцев, которые бы уважали индусов... Здесь, как я теперь вижу, надо быть очень и очень осторожным... Чему вы смеетесь, Мульджи? – спросила я «молчаливого», улыбавшегося во весь широкий рот.

– Вашей щедрости, мам-сааб, – *две дюжины* англичан в Индии, уважающих нас, *негров-то?*.. Не очень ли много?

– Действительно, – подхватил проснувшийся и совсем просохший бабу. – Будь у нас даже «две дюжины» таких, то уверяю вас, что все 250 миллионов индусов, «без различия каст и религий», – привел он цитату из теософических статутов, – молились бы да совершали бы *пуджу* утром и вечером калькуттским и другим *бара-саабам!*

– Я знал только одного за всю мою жизнь, да и того хотели посадить в сумасшедший дом, но он к счастью своему умер, – брякнул Мульджи.

– Кто же он? – полюбопытствовал полковник.

– Мистер Питерс (*Peters*)⁵¹, бывший коллектор в Мадуре, в Мадрасском президентстве. Он умер более двадцати лет тому назад... Когда я был еще мальчиком.

– В чем же провинился этот Питерс?

– Начал материалистом, вот как наш бабу... а кончил *пуджистом* (поклонником идолов).

– Как «наш бабу» пока не намерен кончать, – заметил хладнокровно на это личное замечание бенгалец. Он занимался тем, что обклеивал липкими лепестками цветов нос Кали, идол которой возвышался над кустами *арали*.

– Сделаться *пуджистом*? Что вы этим хотите сказать? Расскажите же нам его историю толковее, – приставал уже наостривший уши полковник.

– Пожалуй, господин президент, только ведь я не умею рассказывать.

Но он все-таки рассказал ее нам, и «история» оказалась прекуриозною. В следующем письме передам рассказ, как я тогда его записала со слов рассказчика. В Мадрасе она известна всем и каждому.

⁵¹ Rous Peter (1786–1828).